

качественно иными. Не случайно оппонент Державина нашел нужным возразить против «уподобления поэзии лимонаду». Такое уподобление, по мнению критика, «не только кажется непристойно, но еще и несправедливо. Если лимонад может быть вкусен только летом, напротив того, хорошая поэзия и какова есть в оде сей, может нравиться и летом и зимою» (IV, 13). Державин воспользовался малоудачным доводом оппонента и свел свое оправдание к рассуждениям о прохладительных свойствах лимонада. Но суть вопроса, поднятого «Невеждой», состояла конечно в другом. Речь шла об отходе в оде Державина от понимания гражданственного назначения поэзии, И здесь критик выступал последователем позиции Ломоносова, для которого уподобление поэзии лимонаду было бы, конечно, исключено. В основе критических нападок «Невежды», кстати и Любослова, лежало отставание не только чистоты и ясности литературного стиля, но и неизбежности традиций поэтической школы русского классицизма середины XVIII века.

По сути дела в полемике на страницах «Собеседника» обозначилось зарождение тех споров, которые в начале XIX в. развернутся после выхода в свет книги адмирала А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка». Новые стилистические веяния, пришедшие в литературу с утверждением сентименталистской поэтики, обновление поэтического словаря новыми лексическими образованиями, жеманная слезливість стиля в контексте потрясений, связанных с результатами французской революции, вызовут новый подъем интереса к проблемам языка, напомнив о стилистических традициях XVIII в. И в свете этих споров, казалось бы, отвлеченные прения о языковых проблемах на страницах «Собеседника любителей русского слова» в 1783 г. обретают свое закономерное историческое место.